

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЬЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

Преподобный Серафимъ — Отрада Земли Русской (Къ столѣтней годовщинѣ со дня его представленія).

Святости не знаетъ ни природное, ни рациональное сознание. Выражаясь фигурально — она незнакома ни варвару, ни эллину. Святость есть достояніе и сокровище, принесенное на землю богооткровенной Библией въ единствѣ Вѣтхаго и Новаго Заветъа. Даже греческое слово *ἅγιος* не вполне соотвѣтствуетъ еврейскому *קדוש*, которое одно выражаетъ непередаваемый ни на какомъ человѣческомъ языкѣ трепетъ передъ абсолютнымъ, личнымъ бытіемъ въ образѣ котораго и открылся человѣку Единый Владыка неба и земли. Человѣкъ есть образъ Божій, и потому ему одному свойственно стяжать святость по слову Божію «итакъ будьте святы, потому что Я, Господь Богъ вашъ, святъ». Человѣку по природѣ свойственно быть святымъ и въ глубинѣ своей святости узрѣвать свой первообразъ. Узрѣніе Бога въ человѣкѣ приводитъ къ открытію человѣка въ Богѣ, и тайна эта свершается какъ Слово, ставшее плотію — истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ. Благодатию Сына Человѣческаго — Сына Божія раскрывается божественное Сыновство въ тѣхъ, кто послѣдовали за воплощеннымъ Сло-

вомъ и, ставъ истинными человѣками въ полнотѣ бытія, раскрыли въ себѣ святость божественнаго первообраза. Такъ оправдывается человѣкъ передъ лицомъ Божіимъ оправданіемъ Сына Человѣческаго. И это есть великая отрада и великое утѣшеніе. Черезъ Духа Утѣшителя обожается человѣкъ и, ставъ обоженнымъ, онъ самъ становится сокровищницей Святаго Духа, излучая утѣшеніе божественной красоты. Есть разные типы святости. Иные святые служатъ Богу мученичествомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, другіе служатъ «преподобіемъ и правдою», хотя чаша мученичества и ихъ не минууетъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Къ ихъ числу относится преподобный Серафимъ. Онъ, можно сказать, нашъ современникъ. Вѣдь сто лѣтъ для жизни Церкви — это такъ мало! Но за эти сто лѣтъ произошли совершенно головокружительныя измѣненія и катастрофы. Это — столѣтіе переворотовъ въ области науки, искусства, матеріальной цивилизации и особенно, въ области социальна - политической. Кажется, никогда еще за всю исторію человѣчества такъ не возвышался и такъ не падалъ человѣкъ, какъ

за эти фантастическіе сто лѣтъ. И что было бы, если бы на духовномъ небосклонѣ не сіяли неподвижныя звѣзды святости, по которымъ надлежитъ направлять путь по разъяренной и кишашей чудовищами пучинѣ!

Ничего не можетъ быть болѣе пошлого, жалкаго и банальнаго, какъ эти набившіе оскомину попреки русской «отсталости». Русскому лику, Русской землѣ вообще не пристала и не подходит никакая характеристика въ терминахъ позитивистической исторіософіи, которая, впрочемъ, и сама есть худшая форма отсталости и шутовскаго старомодничанія. Есть въ русскомъ духѣ и въ русской исторіи элементы неподвижности, но есть и такая головокружительная спѣшка и такая лихорадка труда, какая неизвѣстна нигдѣ больше въ мірѣ. Страшными разрывами, срывами и головокружительными полетами полна и Русская исторія, наименѣе органическая изъ всѣхъ. Лишь въ святости, лишь въ жизни Церкви, въ жизни Духа Святаго хранить Русская земля сокровище своей отрады и своего отдохновенія, своего великаго субботняго дня. Но это уже выше органики, это образъ «невечернаго дня» въ царствіи Воскресшаго Христа. Поистинѣ въ Русской исторіи дано единство Пасхи распятія и Пасхи воскресенія. Однимъ изъ самыхъ яркихъ образовъ и, быть можетъ, самымъ яркимъ образомъ Пасхально-Воскресной отрады является преподобный Серафимъ Саровскій, святой, какого не было, кажется, никогда еще въ мірѣ. Казалось, на то родился онъ, и на то былъ посланъ міру, чтобы, сіяя кротостью своей ангельской улыбки, сказать человѣчеству пасхальное привѣтствіе: —

Христосъ Воскресе!

Грѣхопавшему человѣку не дано избѣжать креста, и вопросъ только въ томъ, явится ли этотъ крестъ безымянно, анонимно въ видѣ страшныхъ тяготъ истори-

ческой страды, или же въ видѣ знаменія Сына Человѣческаго, въ соумираніи, въ сораспятіи, въ сопогребеніи Христу. Западное христіанство знаетъ лишь мрачный и черный крестъ въ обоихъ случаяхъ. Безблагодатная адская горячка проклятаго труда и социальнаго ада въ станѣ атеистовъ, мрачное стигматическое, такъ сказать, богословіе въ станѣ церковномъ — все это одинаково черно и безотраднo, если не считать коррективовъ риторики и сентиментализма, для русскаго духа, вообще не переносимыхъ ни въ какой дозѣ. Радость Пасхи Христовой, радость Фавора и Эммауса, словно, заслонены чернымъ древомъ непросвѣтленной крестной муки. А между тѣмъ, послѣ Воскресенія Христова уже нѣтъ, не можетъ быть, не должно быть образа чернаго Креста. Послѣ Фавора и Эммауса Крестъ сталъ насквозь сіяющимъ и свѣтлымъ, и колючки терноваго вѣнца превратились въ ослѣпительные лучи солнца, сіяющаго въ силѣ полдня. Такимъ и былъ Преподобный Серафимъ Саровскій, для того, чтобы показать это, онъ и явился.

...«Въ срединѣ солнца, въ самой блистательной яркости его полуденныхъ лучей, лицо человѣка съ вами разговаривающаго». Такъ засвидѣтельствовалъ очевидецъ славы духоноснаго старца, исцѣленный имъ Мотовиловъ.

Словомъ и дѣломъ своимъ, самимъ явленіемъ своимъ великій старецъ раскрылъ истину, что крестоношеніе, т. е. подвигъ, не есть цѣль, а средство. Истинная же цѣль жизни во Христѣ, равно какъ и пришествіе самого Сына Человѣческаго есть стяжаніе Духа Святаго, т. е. безсмертія и красоты въ сіяніи несозданнаго свѣта Фаворскаго, о которомъ такъ страшно споткнулись и соблазнились латиняне, зачарованные чернымъ, безотраднымъ крестомъ.

«Вотъ я, убогій Серафимъ, растолкую вамъ теперь, въ чемъ дѣйствительно эта

цѣль состоитъ. Молитва, постъ, бдѣніе и всякія другія дѣла христіанскія, сколько ни хороши онѣ сами по себѣ, однако, не въ дѣланіи только ихъ состоитъ цѣль нашей христіанской жизни, хотя онѣ и служатъ необходимыми средствами для достиженія ея. Истинная же цѣль нашей христіанской жизни состоитъ въ стяжаніи Духа Святаго Божьяго». (Бесѣда съ Мотовиловымъ. В. Н. Ильинъ, «Преп. Серафимъ Саровскій» П-е изд. стр. 113).

Но вѣдь эти столь простыя и столь глубокія слова, звучащіе какой то вѣчной новизной непосредственно вытекаютъ изъ словъ Спасителя, грядущаго на крестъ:

«Но Я истину говорю вамъ: лучше для васъ, чтобы Я пошелъ, ибо, если Я не пойду, Утѣшитель, не придетъ къ вамъ; а если пойду, то пошлю его къ вамъ». (Іоан. 16,7). Приведенный текстъ въ свѣтѣ благодатной экзегезы преподобнаго Серафима и значитъ, что цѣль дѣланія Христова, символизируемаго крестомъ, есть стяжаніе Духа Святаго Божьяго, Утѣшителя, Святаго Безсмертнаго, вѣчной красоты и вѣчной жизни. И Пятидесятница раскрывается, какъ плодъ Голгофы. Страшный кровавый цвѣтокъ терноваго вѣнца явилъ себя огневдохновеннымъ плодомъ въ Духъ.

О, что это за радостное, что это за сладкое для сердца богословіе! Въ немъ одномъ сокрыто неисчерпаемое сокровище для ума и чувства. Но вѣдь очень многое изъ того, что сказалъ преподобный Серафимъ осталось сокрытымъ и не до-

шло до насъ — по промыслу ли Божію, или по неразумному усердію тѣхъ людей, про которыхъ въ Евангеліи сказано, что они «взяли ключи разумѣнія сами не вошли и хотящимъ воспрепятствовали». Но для всякаго чуткаго сердца, и внимательно всматривающагося въ символы времени, что-то новое запредѣльное, чаемое чувствуется въ образѣ величайшаго русскаго святого. Словно его явленіемъ дано намъ познать въ чемъ должно быть таинственное тысячелѣтнее царствованіе святыхъ, о которомъ въ величавой прикровенности сказано въ 20-ой главѣ Откровенія святого Іоанна Богослова.

Преподобному Серафиму были открыты ужасы, надвигающіеся на міръ и первѣе всего на Русскую землю. И онъ еще на этой землѣ, прежде отшествія туда, гдѣ «нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе» горькими слезами оплакалъ страданіе всѣхъ тѣхъ, «кому въ удѣлъ страданіе задано». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ влилъ въ сердца наши и радость Пасхи Христовой», про которую сказано: — «Радости вашей никто не отниметъ у васъ». (Іоанн. 26,22).

Поэтому и является Саровская похвала отрадой среди нынѣшняго ада, отрадой, подобной тысячелѣтнему царствованію святыхъ среди огня, дыма и кровавыхъ ужасовъ Апокалипсиса.

В. Н. Ильинъ

Парижъ. Декабрь.
1932.